

Измайлов Александр Алексеевич

**Рыбье слово. Повести и
рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Алексеевич И.**
Рыбье слово. Повести и рассказы / Измайлов Александр Алексеевич – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 312 с.

ISBN 978-5-519-86878-5

Содержание Рыбье слово; Сон в Иванову ночь; Вампир; Обида; Весенняя сказка; Навождение; Корреспонденция; Три пункта; Енотовая шуба; Обман; Волшебный фонарь

ISBN 978-5-519-86878-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РЫБЬЕ СЛОВО.

Разсказъ.

I

Извѣстность живописца Аеоньки была уже достаточно велика, и онъ, въ сущности, не нуждался ни въ какой рекламѣ, когда ему пришла въ голову мысль обзавестись вывѣской. Строго говоря, это была даже не вывѣска, а просто скромная желѣзная доска, выставленная на окно, на которой собственною художническою рукою Аеонька изобразилъ, словно съ намѣреннымъ ехидствомъ издѣваясь надъ отечественною орфографіей и синтаксисомъ, слѣдующія строки:

«Принимаю заказы на доски, кресты и плиты, а также малярное дѣло. Раздѣливаю подъ дерево, а равно лакируютъ. При семъ дѣлаютъ арабески, орнаменты и фуфлоны и подновляетъ живописецъ Афанасій Елычковъ».

Рамка причудливыхъ очертаній окаймляла самодѣльную вывѣску, въ которой ятъ обнаруживала странныя притязанія на преобладаніе, и запятые отдѣляли чуть не каждое слово. Въ нижней части была изображена могила съ крестомъ и прохожій съ вывихнутою рукою, приложенной ко лбу. Можетъ

быть, онъ крестился, можетъ быть, отдавалъ честь. Если зритель могъ не замѣтить краснорѣчиваго объ-
явленія,—его вниманіе необходимо должна была
привлечь картинка. И каждый день, въ самомъ
дѣлѣ, хозяинъ, и онъ-же единственный работникъ
художественной мастерской, могъ не безъ удоволь-
ствія видѣть, какъ проходившіе на кладбище съ
вѣнками и кофейниками мужички и мѣщане оста-
навливались у окошка и по нѣскольку минутъ пре-
давались безмолвному созерцанію символической ил-
люстраціи и глубокомысленному чтенію вывѣски.

Аеонъ жилъ эпитафіей. Въ сущности, онъ не
представлялъ исключительнаго явленія въ окружа-
вшемъ его обществѣ людей, которыхъ кормили по-
койники. Отъ первенствующаго протопопа, являвша-
гося главою предмѣстья, и его сослуживцевъ,—чле-
новъ причта, включительно до послѣдняго вѣнча-
ника, проспживавшаго цѣлый день на берегу гряз-
ной рѣчки и торговавшего въ сутки на 18 ко-
пѣекъ,—все эти люди были органически плотно
привязаны къ кладбищу, жили его интересами и
безъ него были ничѣмъ. И ихъ жизнь, которая,
повидимому, должна была получить рѣзкую своеоб-
разную окраску и проникнуться спокойно-печаль-
нымъ, созерцательнымъ настроеніемъ, — на самомъ
дѣлѣ была очень обыкновенная, по своему бурная,
по своему веселая жизнь, въ которой, какъ всегда
и вездѣ, трагическое чередовалось съ смѣшнымъ,
возвышенное съ мелкимъ и значительное съ ни-
чтожнымъ.

Кладбище стояло унылое и печально-мрачное

погруженное въ покой вѣчнаго безмолвія и самоудовлетвореннаго одиночества. Когда часа въ три пополудни съ поповки уѣзжали послѣднія погребальныя дроги, увозя довольныхъ исполненіемъ дѣла и повеселѣвшихъ послѣ получки на чай и выпивки факельщиковъ-горюновъ, смѣнившихъ тутъ же на улицѣ чопорно-приличныя траурныя одѣянія на рваныя отрепья босяковъ, и изъ церкви одинъ за другимъ, въ старыхъ, выцвѣтшихъ и засаленныхъ камилавкахъ и скуфьяхъ проходили домой проголодавшіеся и усталые члены причта, — тишина сплошь охватывала предмѣстье. Жизнь замирала въ улицѣ смерти, чтобы возродиться только на слѣдующее утро, когда снова одни за другими начинали тянуться по ней погребальныя повозки, по мосткамъ спѣшили къ воротамъ люди, несшіе въ церковь тоску своей души, и отъ кладбищенскихъ воротъ гулко разносилось по улицѣ заунывное и угрюмомонотонное «святой Боже», вылетавшее изъ устъ людей, словно бы жаловавшихся на кого-то предъ холоднымъ и равнодушнымъ небомъ...

Сгущались сумерки. Тѣни фонарей перекрещивали улицу. Темнѣлъ зеленый куполъ колокольни, и съ кладбищенской окраины, точно вдругъ уснувшей, уѣзжалъ, медленно громахая колесами, послѣдній извозчикъ, убѣдившійся, что уже напрасно ждать сѣдока въ этомъ мертвомъ углу. Изрѣдка показывался на улицѣ силуэтъ обывателя. Мертвымъ покоемъ вѣяло тогда отъ всего мѣстечка, отъ сонной рѣки, въ которой винтомъ отражались рѣдкіе огоньки фонарей, отъ невысокой богадѣльни съ чернѣющими фаль-

шивыми окнами, отъ церковныхъ домовъ причта, гдѣ робко загорались огни, отъ огромныхъ и нескладныхъ, устѣянныхъ спящими голубями, кладбищенскихъ воротъ, надъ которыми крупными славянскими буквами, стершимися отъ времени, изображено было поучительное и грустное изреченіе мудраго еkkлeзіаста: «возвратится персть въ землю, якоже бѣ, а духъ возвратится къ Богу, иже даде его»...

Въ эти часы жизнь переходила съ улицы за стѣны домовъ, и пряталась за спущенными сторонами и задвинутыми ставнями. Это, конечно, была обыкновенная жизнь, но на фонѣ окружающаго безмолвія и мертвенности, подъ однотонные звуки желѣзной доски, въ которую билъ привратникъ, «выгоняя» народъ съ кладбища,—и она казалась со стороны полусонною, печальною и унылою...

II

До выхода въ славу Аеонька былъ незамѣтнымъ сыномъ кладбищенскаго десятника Семена Клычкова. Десятникъ считался помощникомъ слѣдствіаго за кладбищемъ смотрителя и завѣдывалъ могильщиками, число которыхъ, впрочемъ, не всегда достигало десятка. Аеонька околачивался при солидномъ, вѣчно ругавшемся и занятомъ отцѣ, служилъ у него на побѣгушкахъ и кромѣ мелкихъ одолженій по домашнему хозяйству ничего не дѣлалъ. Было даже нѣсколько странно, какъ ухитрился онъ жить, сложавъ руки и бездѣйствуя, въ атмосферѣ непрескачаю-

щейся сутолоки и горячки, всегда царивших на дворѣ могильщиковъ и въ квартирѣ отца. И старикъ-отецъ, безпрестанно бѣгавшій съ кладбища домой и изъ дома на кладбище съ длиннымъ и острымъ желѣзнымъ «щупомъ», служившимъ для опредѣленія свободныхъ мѣстъ на кладбищѣ, и его кухарка, весь день суетившаяся, какъ бѣлка въ колесѣ, въ заботѣ накормить ораву здоровыхъ и проголодавшихся мужиковъ, и могильщики, цѣлое утро забѣгавшіе во дворъ то за лопатой, то за передникомъ,—проходили передъ апатично равнодушнымъ взоромъ Аеоньки. Онъ безмятежно сидѣлъ въ отцовской конурѣ или лежалъ на кровати и поплевывалъ на стѣну. Сынъ десятника умѣлъ всегда и вездѣ снимать пѣнки, сытно обѣдалъ, спокойно жилъ и благодушествовалъ, когда все кругомъ работало, потѣло и кряхтѣло. Вечерами, въ часы занятій отца щелканьемъ на счетахъ, онъ лѣниво бренчалъ на гитарѣ и визгливымъ, не своимъ голосомъ выводилъ: «чѣмъ тебя я огорчила». Дѣловое настроеніе другихъ не заражало его ни на минуту, и онъ никогда не принималъ участія въ массовыхъ работахъ могильщиковъ. Когда по осени они рубили капусту, заготовляя запасы на зиму, онъ сидѣлъ на полѣнѣ и ѣлъ кочерыжки. Въ этомъ наслажденіи подъ удары сѣчекъ и подъ кряхтѣнье усталыхъ мужиковъ было что-то символическое, опредѣлявшее всю жизнь и весь характеръ Аеоньки. И весь дворъ вполне заслуженно называлъ его лодыремъ.

Старикъ Клычковъ скорбѣлъ о своемъ непуте-

вомъ сынѣ, но напрасно ломалъ голову надъ вопросомъ, къ чему его можно приспособить. Мальчишка былъ, повидному, рѣшительно ни къ чему не годенъ. Попробовалъ учиться въ городскомъ училищѣ, но не пошелъ дальше перваго класса; поступилъ въ церковные сторожа, но во время службы разбилъ головой небольшую люстру, разсмѣшил публику и, по настоянію протопопа, долженъ былъ оставить начатую карьеру. Напрасно Клычковъ искалъ въ сынѣ и какихъ-нибудь специальныхъ способностей. Не было специальныхъ способностей. Аеонька могъ только марать бумагу своими рисунками—карикатурами. Пожалуй, отецъ готовъ былъ признать въ немъ природную наклонность къ этому дѣлу, но въ его глазахъ это было скорѣе бездѣлье, баловство, которое могло не довести до добра, потому что въ Аеонькѣ выразительно сказывалась обличительная наклонность. И когда семнадцатилѣтній художникъ углемъ изобразилъ на двери въ дьяконскій садъ профиль протопопа, странно уловивъ сходство и вызвавъ настоящій восторгъ могильщиковъ, Клычковъ по отечески поучилъ безпокойнаго сына и въ сердцахъ порвалъ его тетради съ многочисленными рисунками.

На восемнадцатомъ году Аеонькѣ случайно предложили написать доску на крестъ съ именемъ и фамиліей умершаго. Онъ досталъ у маляра краски и исполнилъ просьбу. Никто не могъ бы предвидѣть, что этотъ шагъ окажется для него роковымъ. Аеонька нашелъ себя. Съ перваго опыта всѣ единогласно признали, что онъ гораздо болѣе искусный псецъ,

чѣмъ маляръ Акимъ, у котораго отъ двадцатилѣтняго запоя дрожали руки. На долю молодого художника выпалъ рѣдкій успѣхъ, поставившій его сразу внѣ всякаго соперничества. Акимъ вдругъ лишился половины заработка, цѣна ему сразу понизилась на половину, и онъ сдѣлался вовсе уже неуволнимъ въ трезвомъ состояніи. Съ этого дня Аеонька началъ быстро дѣлать карьеру. Въ домѣ его отца началась вѣчная толчея. Одинъ за другимъ приходили заказчики, и въ комнатѣ навсегда воцарился запахъ скипидара и варенаго масла.

Когда разошедшійся и расписавшійся Клычковъ достигъ такого совершенства, что за лишній пятакъ сталъ рисовать на доскахъ то цвѣтокъ, то могилу съ крестомъ, то опрокинутый факелъ, символъ порвавшейся жизни, — Акиму подошла окончательная груба. Горемычный маляръ-художникъ запилъ. Расшибленный афазіей, пропившійся, распухшій, онъ слонялся по поповкѣ и разъ, въ свои именины, попробовалъ утопиться. Живописца во время вытаскивали и отослали въ деревню на выправку.

Послѣдній и единственный соперникъ сошелъ со сцены, и отселѣ Аеонька могъ подвизаться на своемъ поприщѣ уже безъ всякихъ помѣхъ.

III

Аеонькѣ стукнуло тридцать, но едвали кто-либо призналъ бы его зрѣлымъ человѣкомъ, вступившимъ въ четвертый десятокъ. Духъ живописца держался въ маломъ и скудномъ сосудѣ. Лицо у него было

маленькое и дѣтское, жидкая бороденка торчала какъ-то растерянно, и болѣзненно смотрѣли глаза.

Въ кладбищенскій хоръ однажды поступилъ пѣвчій изъ старыхъ бурсаковъ, скандалисъ и пьяница. Онъ увидѣлъ Аооньку и съ перваго раза объяснилъ ему:

— Ты, братецъ,—форменный алкоголикъ. Такъ же, какъ и не я. Дай-ка ты мнѣ семнадцать копѣекъ,—я за тебя по довѣренности выпью,—и стану ему съ этой поры пріятелемъ.

Не было ничего общаго по внѣшности между Аеоонькой и его отцомъ, мощнымъ и грузнымъ. Незадолго до выхода сына «на дорогу», старикъ Клычковъ умеръ. Аеоонька остался одинокъ и лишился бесплатнаго крова. Но онъ не могъ оставить кладбища, къ которому приросъ, какъ грибокъ къ дереву, и только перешелъ на жительство къ одинокому церковному свѣчнику, Степану Кирычу, устроивъ студию въ одной изъ его скудныхъ комнатъ. Пользуясь правами полной монополіи, онъ могъ и теперь жить безбѣдно, и даже то уваженіе, которое кладбищенскій пролетаріатъ питалъ къ нему, какъ къ сыну десятника, ничуть не уменьшилось,—его восполнило преклоненіе предъ его дарованіемъ. И по прежнему мимо его рукъ не проходила ни одна доска и ни одинъ крестъ, появлявшіеся на все возраставшей нивѣ смерти. Кладбище было его музеемъ. Здѣсь онъ царилъ полновластнымъ хозяиномъ. И каждую минуту могъ видѣть налицо всѣ произведенія своей кисти.

Мало по маду въ немъ укрѣплялось чувство

художническаго самоудовлетворенія и независимость человѣка, избравшаго вольную профессію. Эта независимость даже какъ-то не согласовалась съ его захудалою и робкою внѣшностью. Въ обществѣ людей толпы, жившихъ мелкими интересами,—интересами двугривенныхъ, сороковокъ, получекъ на чай,—онъ чувствовалъ себя немножко особеннымъ, не такимъ, какъ всѣ. Аеоныкъ зналъ, что то чувство, какое испытывалъ онъ, срисовывая или изобрѣтая новую виньетку или заканчивая образокъ на доску,—чувство художника, ищущаго новизны и совершенства и способнаго находить удовлетвореніе въ самомъ процессѣ труда,—было незнакомо никому изъ окружавшихъ его людей изъ простонародья. Преклоненіе сторожей, могильщиковъ, пѣвчихъ передъ его мастерствомъ онъ принималъ, какъ должную дань, и иногда даже не прочь былъ дать почувствовать эту духовную разницу между нимъ и толпой. «Я живописецъ, а у тебя рожа кривая»,—заявилъ онъ однажды вѣнчанику въ горячемъ спорѣ, видимо, желая выразить мысль о своемъ превосходствѣ и не умѣя достаточно ясно втиснуть ее въ слова. Похвала такъ же умягчала сердце Клычкова, какъ его ранило чье-либо неодобреніе, и, хотя обыкновенно скромность заставляла его сдерживаться и слагать въ сердцахъ и хвалы и хуленія, но бывали минуты, когда черта художническаго самосознанія замѣтно проступала въ его словахъ и дѣйствіяхъ.

Такой случай наступалъ обыкновенно разъ въ два-три мѣсяца, когда Аеоныкою овладѣвалъ бѣсъ запоя. Вдругъ на него нападала смертная апатія

и пзпуряющая тоска. Кисть валилась изъ рукъ, и прежде любезныя его сердцу стѣны конуры Степана Кирыча неожиданно становились ненавистными и постылыми, какъ тюрьма. По осунувшемуся лицу и тревожному выраженію глазъ можно было угадать съ безошибочностью приближеніе бурнаго часа. Клычковъ крѣпился и терпѣлъ, но природа брала свое и—его прорывало. Кроткимъ и мирнымъ, имъ вдругъ овладѣвалъ безпокойный духъ озлобленія и протеста. Аеонька выходилъ изъ дома съ намѣреніемъ разнести по назначенію заказанныя доски, и—уже не возвращался домой. Онъ обходилъ сосѣдніе кабаки и портерныя и потомъ начиналъ безцѣльное и почти безотчетное хожденіе по кладбищу и по улицѣ. Душа его какъ будто куда-то слѣзнула и кого-то тревожно искала, и онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, вездѣ затѣвая ссору. Точно всѣ люди вдругъ становились его врагами, и онъ, какъ маньякъ, потрясалъ руками и сыпалъ проклятiя.

— Ты меня голой рукой не хватай, говорилъ онъ могильщикамъ, стоя передъ ихъ караульною будкой и обращаясь къ какому-нибудь изъ своихъ должниковъ.—Ты до меня дорости и вытянись! Я тебѣ не Аеонька!.. Кончено съ этихъ поръ! Будеть! Лапы прочь!.. Можетъ, я такое напишу, что мнѣ въ армитажъ мѣсто отыщется!.. Я вамъ покажу, какой я Аеонька!..